

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

Тема эта, на первый взгляд, представляется парадоксальной. Действительно, о каком конституционализме может идти речь в государстве, которое до новейшего времени было лишено конституции и, более того, известными правительствами откровенно антиконституционными? Даже такой видный реформатор, как император Александр II, был категорическим противником конституции¹, подчеркивавшим, что если Россия получит конституцию, то она распадется. Более того, один из наиболее влиятельных его сановников, известный как Петр IV, — П. А. Шувалов получил отставку, по-видимому, прежде всего потому, что вынашивал идею конституции, хотя и конституции аристократической².

И тем не менее тема российского внешнеполитического конституционализма отнюдь не нова. Она имеет уже определенную историографию, и если обратиться к новейшей отечественной литературе, то в ней прежде всего выделяются работы 60-х гг. Поначалу проблема изучалась на примере отдельных стран. К ним относятся исследования по истории Ионических островов и Дунайских княжеств³. Сопоставление политики России в этих двух странах, а также деятельности российского правительства в Болгарии после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. позволило выдвинуть положение о конституционалистской политике России на Балканах в XIX в.⁴, получившей определенный отклик в литературе⁵. Однако российский внешнеполитический конституционализм имел не только одно региональное направление. Историки, занимавшиеся проблемами Западной и Центральной Европы, обратили внимание и на правомерность его констатации и в этих регионах. Одним из подтверждений такого воззрения стала публикация очередного, восьмого тома известной документальной серии по внешней политике России XIX — начала XX в., где были представлены документы периода после окончания антинаполеоновских войн, свидетельствующие о конкретных устремлениях российского правительства в 1814—1815 гг. и достигнутых результатах в Польше, некоторых германских государствах и Швейцарии.

Все шло к тому, чтобы подготовить обобщающую исследовательскую работу о всем комплексе приемов российского внешнеполитического конституционализма. В определенной степени эта задача уже проглядывалась в некоторых работах обобщающего характера⁶, но реализации ее не только не последовало, но, более того, в последние годы даже наметился отход от этой тематики и, собственно, не было создано сколько-нибудь общего комплексного сочинения на эту тему. Ситуация складывается таким образом, что заметно тают ряды историков, занимавшихся основательным изучением этих проблем, а пополнение научного потенциала осуществляется крайне медленно и лишь частично. Самое же главное заключается в том, что целостного взгляда на конституционалистскую политику России нового времени за ее пределами пока нет. Не выявлены главные ее причины, особенности политических приемов, не показаны общие и особенные методы работы в тех или иных странах, не подчеркнуты ее результаты как в соответствующих регионах зарубежья, так и в самой России, не увязаны проблемы внешнеполитического конституционализма и конституционные планы внутри самой России. Естественно, что для решения всех этих задач необходимо написание основательной работы. Мы же ограничимся их постановкой в самых общих чертах, обращая прежде всего внимание читателя на проблемы, собственно, уже давно обозначенные, но тем не менее забытые и не совсем решенные.

Одна из важнейших особенностей политического развития Западной и Центральной Европы нового времени заключалась в постоянном проникновении в эти страны новых политических институтов — парламентов, политических партий, конституций. Иная тенденция наблюдается в это время в России. Здесь, наоборот, сословная монархия сменяется монархией абсолютной, и даже в XVIII в. идет процесс укрепления крепостного права. Крепостничество в России упраздняется лишь во второй половине XIX в.,

* Гросул Владислав Якимович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

позже, чем где-либо в Европе. В этих условиях, можно сказать, противоположного политического развития неизбежным было острое противостояние России и Западной Европы и в этой области. Это противостояние обозначилось с достаточной силой в эпоху Великой Французской революции.

Но отрицательное поначалу отношение к западным политическим институтам, и прежде всего к парламентам и конституциям, не означало, что в России не стремились знакомиться с их деятельностью и каким-то образом на них реагировать. В России, которая рассматривалась как духовная преемница Византийской империи, были неплохо знакомы с наследием древнегреческой мысли, акцентировавшей взаимосвязь политики и закона, что затем было развито рядом древнеримских мыслителей, например, Цицероном, трактовавшим государство как публично-правовую общность⁷. В XVIII в. взгляды русских императоров отнюдь не были неизменными. Они прошли ряд этапов, весьма примечательных с точки зрения государственного права. Важнейшим законом первой половины столетия в области государственной власти был Устав Петра Первого о престолонаследии, где все отдавалось на личное усмотрение императора, высшей волей провозглашалась всевластная воля государя. Этот акт был дополнен Манифестом Екатерины II от 6 июля 1762 г. Манифест, по существу, объявлял самодержавное самовластье злом, пагубным для государства. Более того, Екатерина II обещала издание новых законов, которые «указывали бы всем государственным учреждениям пределы их деятельности»⁸.

В XVIII в., и особенно в годы правления Екатерины II, в России отмечен значительный интерес к западноевропейской политической мысли того времени. Более того, Россия получила возможность вмешиваться во внутреннюю политическую жизнь ряда европейских стран. Во время войны за Баварское наследство в октябре 1778 г. прозвучала ультимативная нота Екатерины II австрийскому правительству, и под ее давлением, поддержанным Францией, был заключен Тешенский мир 1779 г. — мирный договор между Австрией и Пруссией. Мир, заключенный при посредничестве России и Франции, был заметным успехом русской дипломатии и усилил влияние России в Германии⁹. Более того, Россия в 1779 г. стала гарантом конституции Германской империи¹⁰.

Таким образом, неконституционное правительство становится гарантом конституции другой страны, причем в то время, когда в самой России Екатерина II все более отходила от принципа Манифеста 6 июля 1762 г. Созванная в июле 1769 г. «Комиссия об Уложении», которой Екатерина II направила свой «Наказ», вскоре прекратила свою работу¹¹. И опять-таки при всем намечавшемся противоречии внешних и внутренних политических подходов Екатерина II не была последовательна и в области внутренней политики, что проявилось, в частности, и в воспитании своих внуков, прежде всего будущего наследника. К великим князьям Александру и Константину она пригласила воспитателем швейцарца Ф. Ц. Лагарпа — юриста и педагога, горячего последователя идей Просвещения, и прежде всего идей французских просветителей-энциклопедистов. Будущий император Александр I в одном из писем своему наставнику (1797 г.) подчеркивал, что, когда придет его время управлять страной, то «тогда нужно будет трудиться над тем, постепенно, разумеется, чтобы создать народное представительство, которое, будучи направляемо, составило бы свободную конституцию». Весьма примечательно, что при этом будущий император обещал отойти от руководства страной и даже поселиться в каком-нибудь уголке, «видя процветание своего отечества»¹².

Интересно, что среди самых приближенных лиц молодого Александра был Адам Чарторыйский, активно выступавший против разделов Польши, — сторонник конституционного правления, успевший побывать в Англии и ознакомиться с ее политическим устройством. Екатерина II была в числе главных участников трех разделов Польши, способствовала упразднению там Конституции 3 мая 1791 г., а ее внук еще при ее жизни сближается с польским патриотом, конституционалистом, недавно воевавшим против России.

Однако не Александру I принадлежит первая заслуга проведения в жизнь идей конституционной дипломатии. По существу, ее зачинателем стал его отец, Павел I, определивший курс, во многом расходившийся с екатерининским. Произошло это в особых исторических условиях, когда России пришлось вступить в вооруженную борьбу против революционной Франции. Обострение русско-французских отношений дошло до такой стадии, что в 1795—1796 гг. во Франции обсуждался вопрос о снаряжении турецкой экспедиции для разрушения Севастополя и Херсона¹³. Но французо-турецкого сближения не происходит. Турция в лице французских руководителей увидела для себя серьезную угрозу, и это понятно, поскольку в 1798 г. французскими войсками занимается Мальта, а затем войска Бонапарта проникают в Египет. Традиционный противник Турции — Россия становится менее опасным, нежели Франция. Тем более что Россия была занята польскими делами, и ее отношения с Францией, обостряются все сильнее. В этих условиях именно Турция обратилась к России в июле 1798 г. с просьбой направить к ее берегам военную эскадру. И уже 8 сентября 1798 г. русская эскадра, которой

командовал адмирал Ф. Ф. Ушаков, вступила в Дарданеллы и соединилась с эскадрой турецкой¹⁴. Начались совместные военные действия объединенных русско-турецких сил против Франции. Коснулись они и Ионических островов, населенных преимущественно греками, к которым союзники обратились со специальными воззваниями, направленными против французов и содержащими ряд предложений по урегулированию положения на островах. Авторы воззваний призывали население островов помогать союзникам в борьбе против Франции и затем установить такой способ правления, который бы соответствовал их желаниям. Примечательно, что воззвания союзников поддержал константинопольский патриарх Григорий V, обратившийся к островитянам со своими посланиями, в которых призывал их оказать помощь союзникам и обещал «свободный выбор формы правления либо по образцу аристократической республики Дубровник (Рагуза), либо иного типа»¹⁵.

Благодаря вмешательству России и при содействии Турции создается и существует в течение 10 лет Ионическая республика — первое греческое национальное государство нового времени¹⁶. Проблема государственного строя этих островов после изгнания французов приобрела характер внутренней борьбы между различными слоями ионического общества. Но она также породила противоречия и между союзниками — Россией и Турцией. Россия приняла довольно активное участие в выработке внутреннего статуса республики. Нельзя сказать, что у России не было опыта управления другими странами или территориями за ее пределами. Такой опыт был накоплен и во время русско-турецких войн, когда создавались гражданские администрации в Молдавии и Валахии, и на землях, входивших прежде в состав Польши, и в Закавказье и т. д. Но на сей раз предстояло выработать документы принципиально иного содержания. В 1799—1800 гг., т. е. еще в эпоху правления Павла I, была составлена конституция под названием «План временного правления», утвержденная Ф. Ф. Ушаковым. Эта конституция учитывала и довольно острую борьбу среди самого населения Ионических островов, где имело место серьезное противостояние между местным дворянством — нобилиями и высшим духовенством и низами, принимавшими активное участие в сопротивлении французам. Под руководством русских представителей вырабатывается так называемая Конституция Ушакова 1799 г., в соответствии с которой устанавливались центральные и местные законодательные, исполнительные и судебные органы власти. Так, в ней предусматривалось создание Сената, местом пребывания которого был выбран главный остров архипелага — остров Корфу, причем Сенат являлся центральным законодательным и исполнительным органом. Избирался он представителями от каждого острова, причем крупные острова получали больше мест. Наибольшее число мест закреплялось за островом Корфу. Сенат имел, таким образом, значительную власть и возглавлялся президентом (им был назначен граф А. Орио). Выборы же в Сенат, как и в местные органы власти осуществляли местные дворянские Большие советы. Однако полностью власть дворянству, оформившемуся еще в тот период, когда архипелаг входил в состав Венецианского государства, передана не была. По конституции представители наиболее зажиточных кругов и предпринимателей, имеющие фиксированный годовой доход, исповедующие православие и достигшие определенного возраста, получали дворянство и, таким образом, допускались в Большой совет. Следовательно, Большой совет утрачивал свой прежний замкнутый аристократический характер и должен был допустить в свой состав новых лиц, отношения с которыми у аристократов далеко не всегда были лояльными. Более того, пожизненное дворянство и, соответственно, политические права получали и некоторые жители островов, не отвечавшие установленному имущественному цензу, но известные своими заслугами в науках или искусстве¹⁷.

В специальной литературе Конституция Ушакова рассматривается как относительно либеральная, поскольку она все-таки расширяла социальную базу правящей элиты. Кроме потомственного дворянства появлялось новое дворянство по признаку богатства или умений и знаний. Вместе с тем в конституции прямо ущемлялись права работников физического труда, так как в Большой совет не принимались люди, занимающиеся физическим трудом, причем во втором поколении. Это последнее требование, явно дискриминационное, было включено в конституцию в соответствии с положениями, бытовавшими в аристократических республиках Венеции и Генуе¹⁸.

Ф. Ф. Ушаков не хотел союза исключительно с аристократией, хорошо зная реальное положение на островах и общие настроения в широких массах ионического населения. Его конституция имела явно компромиссный характер, но включение в состав дворянства выходцев из других прослоек создавало российской администрации определенную опору среди большинства народа. Это вызвало серьезное недовольство нобилитета, получившее поддержку со стороны Порты. Порты тоже, естественно, не желала укрепления России на островах, и свой формальный сюзеренитет стремилась превратить в реальное господство. В этой связи Конституция Ушакова не была одобрена, и в противовес ей Порты выдвинула другую конституцию, составленную нобилиями и восстанавливавшую их монополию.

Конституция эта, называемая Константинопольской, или Византийской, была выработана в 1800 г. Но ее внедрение встретило широкое сопротивление различных неаристократических кругов ионического общества¹⁹. Сопротивление вылилось в ряд восстаний, и дело дошло до того, что осенью 1801 г. было созвано собрание народных представителей острова Корфу, которое объявило себя временным правительством и разработало новую конституцию, явно противостоящую Константинопольской, но вместе с тем и более левую, чем Конституция Ушакова²⁰.

Русское руководство (а к тому времени Александр I уже сменил Павла I) было поставлено перед новыми сложными задачами. Их оно решило в значительной степени путем посылки на острова специального полномочного представителя. Им стал состоявший на русской дипломатической службе уроженец архипелага граф Г. Д. Мочениго. Примечательно, что Мочениго, нобиль по происхождению, придерживался во многом других взглядов. В литературе даже промелькнуло сообщение о его связях с итальянскими карбонариями²¹. Так это или нет, но именно ему Александр I поручил разработать во взаимодействии с наиболее видными представителями республики новую конституцию.

Разработка нового проекта конституции и ее принятие заслуживают пристального внимания, поскольку в дальнейшем нам придется к ней еще не раз обращаться. Руководство России прекрасно осознавало, что в международных отношениях недостаточно опираться на вооруженную силу. Необходимо была и духовная, и социальная опора в тех странах, где шла напряженная борьба за влияние между различными державами. На Ионических островах сталкивались политические интересы России, Франции, Турции, Англии. Посланник России в Стамбуле В. С. Томара в 1802 г. откровенно писал: «Только льстя народу и создавая впечатление, что разделяешь его мнение, можно в наши дни привести его к мыслям более здравым»²². Руководство России хорошо осознавало важность создания широкой опоры на островах, что подтверждают документы того периода. Сам Александр I наставлял Г. Д. Мочениго действовать таким образом, чтобы новую конституцию, новые учреждения поддержал «средний класс, ибо именно он сможет лучше обеспечить их прочность»²³. Канцлер А. Р. Воронцов также рекомендовал русскому представителю всячески ориентировать на Россию «все классы жителей и в особенности средний класс, который благодаря новым учреждениям не потеряет ничего из тех прав и преимуществ, которые он приобрел»²⁴.

Мочениго совместно с Сенатом республики проводит реорганизацию органов управления и занимается подготовкой проекта конституции, который был послан в Петербург и затем доработан в соответствии с предложениями петербургских властей. Именно этот проект был положен в основу новой конституции. Но необходимо было, чтобы его утвердил высший законодательный орган республики, а его тогда не существовало, имелся только орган исполнительной власти — Временный сенат, поэтому нужно было приступить к формированию этого законодательного органа.

22 января 1803 г. Сенат издает указ, назначивший выборы в Законодательное собрание и в так называемый окончательный Сенат. Выборы должны были осуществлять дворянские ассамблеи каждого из островов, причем право избирать получали те лица, которые соответствовали определенным цензам, прежде всего имущественному. Примечательно, что для каждого из островов имелся свой имущественный ценз. Вместе с тем Мочениго как полномочный представитель России на островах получил большую возможность вмешиваться в ход выборов; точного соблюдения в процессе выборов установок, положенных в их основу, не было. Сессия Законодательного собрания, или Законодательного корпуса, открылась 14 октября 1803 г., а через полтора месяца, 29 ноября, Законодательный корпус единогласно утвердил новую конституцию (кстати сказать, четвертую, считая первой «План временного правления» Ушакова и третьей — проект конституции, опубликованный в 1802 г. представителем дворянской оппозиции Н. Сикурсом ди Силласом)²⁵.

Печатный экземпляр этой конституции на итальянском языке хранится в Москве в Архиве внешней политики России и давно уже прокомментирован в научной литературе, а также в соответствующих документальных публикациях²⁶. Конституция состояла из 212 статей. Она определяла государственный строй архипелага как централизованную аристократическую республику. Греческий язык провозглашен в ней государственным, православие — господствующей религией; господствующим сословием стало конституционное дворянство, т. е. как потомственные, так и новые дворяне. Законодательная власть передавалась Законодательному корпусу в составе 40 человек, а исполнительная — Сенату во главе с принцем или князем, избиравшимся Законодательным корпусом на два года. Именно князь Сената являлся фактическим главой государства. Объявлялась независимость суда, гарантировалась неприкосновенность личности и собственности²⁷. Иначе говоря, хотя конституция была аристократической и в ней применялся термин «конституционное дворянство», но в ней также нашел отражение принцип разделения властей и, вообще, явно заметно влияние буржуазных принципов того времени.

При этом важно подчеркнуть, что влияние самодержавной России в принятии конституции было определяющим.

Сама конституция была задумана в российском Министерстве иностранных дел, в частности, одним из ее инициаторов был видный русский дипломат А. Я. Италинский; написал ее текст Мочениго совместно с русскими и ионическими деятелями, редакторскую работу провели А. Р. Воронцов и А. Чарторьский, бывший в то время одним из руководителей российской внешней политики. Непосредственно руководил всем этим лично Александр I. Поэтому можно вполне согласиться с мнением тех специалистов, которые считают конституцию «порождением правительства Александра I»²⁸.

При ее разработке использовались политические приемы, к которым впоследствии неоднократно будет прибегать российское правительство. Прежде всего это — учет настроения местного населения, попытка получить массовое доверие, опираясь, впрочем, на авторитетные социальные слои; разработка первого варианта проекта, его доработка в российских правительственных верхах; проведение этого проекта через соответствующий верховный орган, определенным образом подобранный, и, конечно, учет общих настроений того времени в области государственного строительства. Не случайно специалисты усматривают много общего между Конституцией 1803 г. на Ионических островах и французской конституцией 1795 г.²⁹

Конституция 1803 г. не была, таким образом, самостоятельным творением ионического общества. К тому же она подлежала утверждению султаном и русским императором, который являлся гарантом Республики Ионических островов. Сама республика находилась в прямой зависимости от внешних сил и была упразднена после Тильзитского мира 1807 г. и передана Франции.

Реформы на Ионических островах, Конституция Ушакова, затем Конституция 1803 г. были первым опытом конституционной российской дипломатии. Он был предпринят еще при Павле I и затем успешно продолжен при Александре I. Особенности политической жизни на Ионическом архипелаге было не только укрепление позиций России в этом регионе, но и налаживание конкретного сотрудничества с рядом деятелей ионического общества. Из них наиболее яркой фигурой оказался И. Каподистрия — один из руководителей Ионической республики, еще в марте 1804 г. по указу Александра I получивший русский чин коллежского советника, а с мая 1808 г. перешедший на русскую государственную службу³⁰. Каподистрия становится вскоре одним из видных деятелей русской внешней политики, сыгравшим заметную роль в выработке и последующем претворении в жизнь конституционных проектов за пределами России.

В начале XIX в. вторым балканским регионом, где нашло отражение проведение этой конституционной дипломатии, стала Сербия, давно уже потерявшая свою государственность. Одним из побудительных моментов так называемого Первого сербского восстания, которое отдельные исследователи воспринимают как национальную революцию, было стремление воссоздать свою, сербскую государственность. Правда, белградский пашалык обладал некоторыми автономными правами, в 1796 г. несколько расширенными³¹. Но в целом недовольство сербского населения все более нарастало и в начале 1804 г. вылилось в мощное вооруженное движение, которое возглавил Георгий Петрович Черный, известный больше как Карагеоргий.

Повстанцы решили наладить политические связи с иностранными державами, прежде всего с Австрией и Россией, чью поддержку они намеревались получить. Правительство Австрии в то время решило занять нейтральную позицию в сербско-турецком противостоянии. По-иному складывались отношения Сербии с Россией. В сентябре 1804 г. была направлена в Россию первая сербская делегация, которую, по словам одного из ее членов, направила «вся нация в качестве полномочных представителей... чтобы при нынешнем ее положении просить покровительства» у русского царя³².

Между положением на Ионических островах и ситуацией в Сербии была существенная разница. Архипелаг был занят русскими войсками, и на нем находился русский гражданский представитель, наделенный большими полномочиями. Сербия же была охвачена войной, и никаких русских войск там не было. Более того, даже связь ее с Россией в начале восстания была чрезвычайно затруднительной. Решение сербов послать полномочную делегацию было совершенно добровольным. Делегаты просили прежде всего о реальной военной и финансовой помощи, что должно было укрепить движение повстанцев. Российское руководство запросило мнения специалистов по балканским делам и на основе их мнений Чарторьский предложил план финансовой и дипломатической поддержки восставшим сербам. План этот получил одобрение Александра I и начал проводиться в жизнь³³.

Но, что весьма примечательно, сербская делегация тогда в Петербурге обсуждала не только финансовые и военные вопросы, но и вопросы государственного устройства Сербии, характер ее верховного органа власти. Видный русский общественный деятель, в то время близкий к Александру I, В. Н.

Каразин предложил учредить центральный орган автономной Сербии под названием Правительствующего сената³⁴, который и был вскоре создан. Важно также и то, что в начале первого сербского восстания только Россия из крупных держав выступала за создание сербского автономного государства, информировав об этом ряд правительств, в том числе и Турцию. Эта линия проявилась еще летом 1804 г. По-видимому уже тогда среди ряда предводителей сербов возникла идея использовать в своем внутреннем устройстве положения Конституции Ионических островов 1803 г.

Сербские представители неоднократно консультировались с официальными российскими властями по вопросу о государственном устройстве Сербии. Это сотрудничество заметно усилилось с началом русско-турецкой войны 1806—1812 гг., когда русские войска заняли Дунайские княжества и приблизились к районам сербского восстания. Важным этапом в сербско-русском сотрудничестве стало прибытие в конце июня 1807 г. в Сербию уполномоченного российского Министерства иностранных дел маркиза Ф. О. Паулуччи. Совместно с предводителями сербского восстания разрабатывается специальный документ, известный в литературе как конвенция Карагеоргия — Паулуччи, предусматривавшая самые тесные сербско-русские отношения. По этой конвенции Россия не только должна была стать покровительницей Сербии, но и обязалась послать туда «способного землеустроителя», который бы «в приличный порядок народ привел, землю сербскую расположил и по нравам народа конституцию устроил». И, что особенно интересно, введение этой конституции, назначение военных и гражданских властей должно было производиться от имени русского императора³⁵.

Таким образом, необходимость принятия сербской конституции была официально признана в сербско-русском документе 1807 г. Но Россия не ограничилась только провозглашением принципов государственного устройства нового сербского политического образования и оказанием ему дипломатической и финансовой поддержки. В Сербию был направлен русский дипломат К. К. Родофиникин, который прибыл туда в августе 1807 г. и совместно с сербами приступил к разработке проекта государственного устройства Сербии. Проект Родофиникина предусматривал усиление влияния Сената, причем путем ограничения власти верховного вождя. Он также предполагал создать в Сербии сословный строй, что явно носило искусственный характер. При этом во всех действиях русского представителя, как и в практике, примененной на Ионических островах, присутствовало стремление усилить влияние в этом регионе России. Впрочем, проект Родофиникина не получил поддержки в Петербурге, но оказал влияние на выработку нового устройства страны.

Нужно учесть, что не все сербские руководящие деятели были сторонниками укрепления законности и усиления власти Совета, за которые ратовал Родофиникин. Законное правление затрагивало интересы отдельных воевод и старейшин и, в частности, самого Карагеоргия. В руководящих сферах произошел раскол и выделились две группировки. Одну из них во главе с Карагеоргием составляли многие воеводы, ориентировавшиеся на Австрию. Другая группировка с четкой ориентацией на Россию ратовала за расширение прав Совета и, соответственно, за ограничение прав Карагеоргия³⁶.

Осенью 1808 г. в связи с приближением новых переговоров с Портой русское правительство должно было вновь определить свою позицию по государственному устройству Сербии. 2 ноября 1808 г. Родофиникин представил в этой связи свою новую записку. Она была дополнена примечаниями командующего русской армией в Молдавии и Валахии А. А. Прозоровского. Документ был изучен самим Александром I. В соответствии с высказанными в нем предложениями Сербия должна *была* стать конституционной монархией с наследным князем, но власть его предполагалось ограничить Советом или Сенатом³⁷.

Идеи русской конституционной дипломатии нашли некоторое отражение в деятельности сербской Скупщины в январе 1811 г. Однако по так называемому конституционному акту 1811 г. Правительствующий совет заметно утрачивал свои прежние функции. Явно усиливается власть Карагеоргия, который, собственно, сам назначал этот совет. Произошло это в условиях, когда Россия предпочитала не вмешиваться в процесс формирования сербских властей³⁸, но сербский вопрос постоянно присутствовал в процессе урегулирования русско-турецких отношений и нашел свое отражение в условиях Бухарестского мирного договора 1812 г., в одной из статей которого Порты обязывалась заключить с сербами специальное соглашение, предоставив им право самим управлять внутренними делами, но при этом сербы оставались подданными султана и должны были платить ему дань³⁹.

Задачи конституционной русской дипломатии на Ионических островах и в Сербии имели, таким образом, определенные различия. Роль России в создании Конституции 1803 г. была заметно значительнее. В Сербии Россия в этом плане была более активной до 1808 г., затем предпочла, чтобы сербы больше сами занимались своими внутренними делами, поскольку иначе пришлось бы всерьез вмешаться в борьбу внутрисербских политических группировок. Вместе с тем во внешнеполитических делах Россия

всячески помогала сербам, что позволяло им решать свои внутренние вопросы. Находясь в условиях постоянной войны, сербы предпочли укрепить силы национального лидера, ограничив полномочия Совета. Вместе с тем конституционный акт 1811 г. был несомненным прогрессом по сравнению с тем, что было до 1804 г., и в этом проявилась общая роль русской конституционной дипломатии.

Эта дипломатия, по существу, формировалась на Балканах, но весьма значительный опыт, полученный здесь, впоследствии будет использован в других регионах. Правда, после 1812 г. в связи с антинаполеоновскими войнами основное внимание российского правительства, естественно, было переключено на боевые действия. Внешнеполитический конституционализм, нашедший применение на Балканах, был во многом идейным оружием в борьбе против наполеоновской Франции и вообще против идей, которые шли с Запада. Александр I хорошо это осознавал и считал необходимым учитывать «дух времени». Но после разгрома Наполеона Александр I вновь вернулся к механизму конституционной дипломатии уже в отношении других европейских регионов.

О целенаправленности такой политики говорят различные документы российского происхождения. Одним из них, наиболее красноречивым, является приложение к рескрипту Александра I послу в Лондоне Х. А. Ливену от 15 (27) декабря 1814 г. В нем среди прочего говорилось: «Прежняя европейская система была ниспровергнута революцией, т. е. влиянием новых мнений на нравы и устаревшие порядки, расшатанные злоупотреблениями. Революции никогда не отступали. Последствия революции наших дней, изменившие отношения внутри государств, уже не могут быть уничтожены и смениться внезапным возвратом к прежним установлениям»⁴⁰.

Таково было мнение всесильного тогда императора, правившего страной, победившей самого крупного полководца того времени — Наполеона Бонапарта. Он прекрасно осознавал положение вещей и естественно, что при проведении политики реставрации он не допустит ее полного возвращения к тому, что было до 1789 г. Первой страной, устройством которой надо было заняться после разгрома Наполеона, была Польша. Отношение к ней в России было хорошо известно, и факт поддержки поляками Наполеона мог быть использован для сугубо репрессивных мер и, конечно, для ликвидации любых ростков польской государственности. Однако российское правительство поступило иначе, применив и здесь принципы конституционной дипломатии.

Примечательно, что Россия приняла участие в выработке конституционных уставов не только для тех районов Польши, которые вошли в состав России после окончания войн с Наполеоном, но и для Кракова и Торна (Горуня), которые стали камнем преткновения для Пруссии, Австрии и России. Эти три державы договорились о создании особой комиссии для урегулирования спорных вопросов. Русскими официальными представителями был составлен ряд документов, которые оказали в последующем влияние на работу этой комиссии. Гр. А. К. Разумовским была составлена для находившегося на русской дипломатической службе барона И. О. Анстета «Памятная записка об учреждении комиссии по устройству Польши». Среди прочего там было сказано, что А. А. Чарторьский должен представить «проекты конституции вольных городов Кракова и Торна»⁴¹.

В декабре 1814 г. А. А. Чарторьский представил специальную обширную записку, где, в частности, излагались его воззрения об устройстве двух вольных и нейтральных городов — Кракова и Торна. Нет сомнений в том, что сам Чарторьский действовал в соответствии с предначертаниями императора Александра I. Об этом прямо говорит следующая фраза: «Ради основания этих двух государств император пошел на территориальные жертвы, и ему угодно рассматривать оба города как государства, созданные им самим. Поэтому он живо заинтересован в их упрочнении и процветании. Предлагаемые основные положения их конструкции имеют целью обеспечить им эти выгоды, упрочив в то же время их спокойствие и предоставив им свободу в таком объеме, какой был бы совместим с поддержанием необходимого порядка и с интересами соседних держав»⁴². Чарторьский обращал также внимание на необходимость принятия должных мер для соблюдения прав этих двух городов, так как они обычно нарушаются при окружении малых стран большими государствами⁴³.

Записка Чарторьского вместе с другими документами, в том числе и инструктивным письмом Разумовского, была передана Анстету, который был назначен комиссаром от России в Особую комиссию по устройству польских дел. Комиссия эта наряду с другими делами должна была выработать проекты конституции двух вольных городов. Таким образом, русский представитель в комиссии получил четкие инструкции по выработке конституции Кракова и Торна, и в том случае, если мнения представителей Пруссии и Австрии будут «решительно расходиться с намерением императора», рекомендовалось обратиться прямо к нему⁴⁴.

Таким образом, русские представители, а в комиссию кроме Анстета вошел также И. Шанявский, получили четкие инструкции по выработке конституций этих двух вольных городов. В начале января

1815 г. Чарторьским был составлен проект конвенции по поводу этих двух городов, который стал основой будущего договора, а также проект конституции вольного города Кракова. Что касается Торна, то России пришлось отказаться от первоначального плана и согласиться с включением этого города в состав Пруссии. Краков же с прилегающими территориями провозглашается вольным городом под протекторатом трех держав — России, Австрии и Пруссии — и получает конституцию, которая в качестве приложения входит в договор между ними. Дополнительный договор о Кракове, его округе и конституции был подписан Россией, Австрией и Пруссией в Вене 21 апреля (3 мая) 1815 г.⁴⁵

Примечательно, что написанный Чарторьским проект конституции Кракова подвергся затем незначительным поправкам и дополнениям⁴⁶. Роль России в подготовке краковской конституции была весьма значительной, можно сказать, определяющей, поскольку Чарторьский был тогда представителем ее правительства, имевшим уже достаточный опыт в проведении ее конституционной дипломатии как на Ионических островах, так и в Сербии. Хорошо известно также, что именно Александр I вопреки настояниям К. Меттерниха добился предоставления Кракову статуса вольного города и конституции. Меттерних, как известно, был противником конституции⁴⁷. Против польской конституции выступал и такой видный прусский государственный деятель, как Г. Штейн, некоторое время проживавший в России. В специальной записке, направленной Александру 16 октября 1814 г., Штейн подчеркивал, что предоставление Польше конституции создает внутренние трудности для России и, вообще, как он полагал, польский народ не созрел еще для нее⁴⁸.

Имеющаяся на сегодня документальная база достаточно убедительно свидетельствует о том, что инициатива создания польских конституций принадлежала российскому руководству. Несколько по-иному обстояло дело в связи с обретением конституций рядом немецких государств, а также с вопросом об общегерманской конституции. Все эти проблемы заявили о себе вскоре после вступления русской армии на территорию Германии и особенно в ходе Венского конгресса и вскоре после его окончания. При обсуждении вопросов восстановления Пруссии и возможных при этом территориальных проблем возник и вопрос о конституции, который породил определенную дискуссию и поначалу был отложен⁴⁹. Затем в специальной записке под названием «Статьи, по которым русские уполномоченные должны получить инструкции» от 28 января (9 февраля) 1815 г., вышедшей из недр российского правительства, подчеркивалось, что разрешение проблем принца Вюртембергского связано и с территориальными и конституционными вопросами. Что же касается политического устройства Германского союза, то в этой записке подчеркивалось: «Вмешательство русского кабинета в конституционные вопросы Германии было лишь косвенным»⁵⁰. Но тем не менее это вмешательство отнюдь не отрицалось. Примерно летом 1815 г. в инструкции Александра I русскому посланнику в Бадене подчеркивалось: «Прусский и австрийский дворы сейчас заняты составлением плана федеративного устройства Германии. Лыщу себя надеждой, что он будет основан на принципах справедливости. В этом случае я могу лишь пожелать, чтобы все государи искренне присоединились к системе, призванной дать Германии силу и навсегда гарантировать ее от возвращения французского господства, жертвой которого она была столь долго»⁵¹. В целом «принципы справедливости» по Александру I не совсем ясны, но не следует забывать, что еще 1 февраля 1815 г. Штейн выражал надежду на то, что Россия поддержит «федеративную конституционную систему»⁵².

Об отношении Александра I к общегерманской конституции можно судить и по его инструкции посланнику России в Баварии Ф. П. Палену, причем в ней подчеркивалась заинтересованность России «в тесном единении между всеми членами Германской конфедерации»⁵³. Вообще, период после антинаполеоновских войн характерен для германских государств принятием ряда конституций в тех или иных из них. К наиболее ранним германским конституциям нового времени относятся конституция Саксен-Веймара 1816 г., Баденская 1818 г., Вюртембергская 1819 г., Майнингенская 1824 г. При этом две из них были приняты в Вюртемберге и Бадене, где правили монархи, состоявшие в кровном родстве с Александром I, с которыми он поддерживал самые тесные семейные связи. Его мать, Мария Федоровна, урожденная София Доротея, была сестрой Вюртембергского короля Фридриха I. Супруга же самого Александра I, Елизавета Алексеевна, урожденная Луиза Мария-Августа, была сестрой великого герцога Баденского Карла Людвига. Оба монарха, родственники русского императора, прекрасно знали о его проконституционных настроениях и сыграли определенную роль в выработке и принятии этих конституций. Роль же в этом самого Александра I — вопрос особый, требующий специального исследования.

Имела Россия также самое прямое отношение и к устройству после антинаполеоновских войн Швейцарии и Франции. Швейцарские представители еще в мае 1814 г. отметили особую заслугу российского императора в признании союзными державами принципа независимости и нейтралитета

Швейцарии, а также его роль в политической реорганизации альпийской республики⁵⁴. Конечно, немаловажным фактором были личные отношения Александра I и Лагарпа, но главное — это соответствовало принципам российской дипломатии того времени. Так сложилось, что устройством послевоенной Швейцарии непосредственно занимался российский посланник в этой стране И. А. Каподистрия, также имевший опыт конституционной дипломатии. В одном из донесений русскому императору, относящемуся к 22 сентября 1814 г., Каподистрия подчеркивал: «Вопрос заключается не в том, чтобы дать Швейцарии конституцию. Она у нее есть... Недостатки этой конституции зависят только от вопросов, возникающих в связи с территориальными спорами между членами конфедерации. Коль скоро эти вопросы будут решены, швейцарцы поймут необходимость усовершенствовать и легко усовершенствуют свой федеральный пакт, а также конституции кантонов»⁵⁵.

Роль России в швейцарских делах того времени заключалась прежде всего в поддержке нейтралитета и независимости этой страны и сохранении конституционного образа правления, хотя швейцарская конституция все более обрела консервативные формы⁵⁶. Дипломатические представители России в Швейцарии — И. А. Каподистрия, а затем и П. А. Крюденер (поверенный в делах в Швейцарии в 1815—1826 гг.) оказали свое влияние на политическое положение этой своеобразной республики.

Хорошо известно, что в условиях, когда русская армия находилась на территории Франции и Александр I оказывал огромное влияние на нового короля Людовика XVIII, Франция получила новую конституцию — Конституционную хартию 4 июня 1814 г. Примечательно, что не без влияния России король, обнародовавший эту конституцию, постарался в ней совместить принципы английской политической системы с принципами эпохи наполеоновской Франции. Не без влияния России Людовику XVIII пришлось примириться с некоторыми достижениями постреволюционной Франции и гарантировать индивидуальные права граждан. Вместе с тем Хартию в литературе относят к документам мнимого конституционализма⁵⁷.

Таким образом, и в отношении ряда стран Центральной и Западной Европы (а кроме перечисленных можно упомянуть Нидерланды, Норвегию и др.⁵⁸) прослеживается определенная система, определенная политика, вполне вписывающаяся в общие принципы конституционной дипломатии российского правительства. Более того, принцип конституционализма замечен и внутри самой России. Посланник в Штутгарте Ю. А. Головкин в своей записке от 21 июня 1814 г. под названием «О правомерности и необходимости восстановления конституции в некоторых немецких государствах» подчеркивал, что если не будет преобразований в Германии, то «она рискует навлечь на себя все беды средневековья и феодализма», и предлагал «восстановить отдельные конституции»⁵⁹. Это не было, конечно, только мнением одного русского дипломата, а соответствовало настроению российского самодержца. В самой России, помимо Польши конституционное устройство получила присоединенная в 1809 г. Финляндия. Автономию получает и Бессарабия, где с 1818 по 1828 г. действовал «Устав образования Бессарабской области», носивший конституционный характер⁶⁰. Более того, даже на востоке страны в 1822 г. принимается «Устав о сибирских киргизах», распространенный на обширные территории и известный также как «Степная конституция».

Казалось, что все шло к получению конституции самой Россией, в знаменитой варшавской речи императора Александра I от 15 марта 1818 г. прямо говорилось о его желании дать конституцию всей стране и о том, что он об этом давно думает⁶¹. Эта речь, получившая отражение в печати, была воспринята в обществе со всей серьезностью, тем более что вспоминался манифест императора от 12 марта 1801 г., где он брал обязательства управлять народом «по законам и по сердцу своей премудрой бабки» и не раз указывал на то, что главным недостатком, который страдал русский государственный порядок, был «произвол нашего правления»⁶². Действительно, такая конституция готовилась, и ее проект был завершен под руководством одного из ближайших к императору людей — Н. Н. Новосильцева. Хотя этот проект не может считаться конституцией в полном смысле этого слова, поскольку там подчеркивалось, что «государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных»⁶³, — даже такой документ не был принят императором, и после 1820 г. явно замечен его отход от внутреннего конституционализма.

О причинах такой новой политики в литературе имеются разные точки зрения⁶⁴. Но не нужно забывать, что после наполеоновских войн Александр I использовал различные политические приемы. Принцип конституционализма сочетался с принципом легитимизма, и первое время между ними имелся определенный баланс, хотя второй принцип, пожалуй, был сильнее. После 1820 г., после революций начала 20-х гг., в том числе и Греческой революции, в политике Александра I явно возобладала идея Священного союза. И здесь не все выяснено до конца. Дело не только в идеологической приверженности императора, все более высказывавшего свою склонность к мистицизму. Александр I явно опасался

остаться в одиночестве перед объединенным фронтом западных держав. Тем более что в экономической области такое наступление последовало примерно с 1817 г. Так, за 1817—1824 гг. русский экспорт сократился в 12 раз⁶⁵. Это резкое падение можно расценить как самую настоящую экономическую войну. Как отмечал академик Н. М. Дружинин, «аграрный кризис послужил хозяйственной базой, на которой развивалась и крепла общеевропейская политическая реакция»⁶⁶. Эта реакция внутри России привела к отставке одного из виднейших представителей российской конституционной дипломатии — И. Каподистрии, хотя, конечно, нужно учесть и влияние на это решение императора Греческой революции⁶⁷.

Вплоть до 1905 г. ни один русский император больше не обещает своему народу конституции; более того, антиконституционная направленность даже усиливается, вплоть до известного заявления Николая II о «бессмысленных мечтаниях». Во многом другая судьба ожидала русский внешнеполитический конституционализм. Он то усиливался, то ослабевал, но так и не был снят с вооружения. После разгрома Наполеона и увлечения устройством Центральной и Западной Европы русская дипломатия все больше обращает свои взоры на столь привычные для нее Балканы. Интересно, что в сентябре 1814 г. Каподистрия сделал доклад Александру I, где высказался за восстановление республики Ионических островов и восстановление Конституции 1803 г.⁶⁸ Действительно, есть сведения о выступлении России в защиту ионических жителей⁶⁹, но острова перешли под покровительство Великобритании. Явно заметно влияние конституционной русской дипломатии и в других странах региона. Эти конституционалистские устремления хорошо прослеживаются в Сербии. По мнению сербских историков, идеи, высказанные русской дипломатией в 1820 г., это идеи введения в Сербии конституционного устройства, ограничения власти князя Сенатом. И эти идеи получили свою реализацию несколько позднее в Уставе (Конституции) 1838 г.⁷⁰

Но наиболее крупная работа в рамках конституционной дипломатии была проделана в те годы в Дунайских княжествах. К тому же 1820 г., накануне переговоров с Портой, относится разработка новых планов российского правительства относительно Дунайских княжеств, в которые входило и составление новых «финансовых регламентов», и расширение прав Диванов, и ряд других усовершенствований внутреннего устройства княжеств⁷¹. Через несколько лет в условия Аккерманской конвенции, заключенной между Россией и Турцией, был включен пункт, который предусматривал составление «общего для каждого княжества устава, который немедленно приведен будет в действие»⁷². В 1827 г. были даже созданы в Молдавии и Валахии комитеты по выработке нового статута, которые провели кое-какую работу⁷³, но были вынуждены ее прервать в связи с началом новой русско-турецкой войны. Собственно, подобные же комитеты возобновили свою работу во время той же войны — летом 1829 г.

Примечательно, что так же, как и на Ионических островах, в разработке проектов будущего устройства княжеств приняли участие некоторые русские сановники. В их числе был весьма близкий к Александру I, а также к И. Каподистрии А. С. Стурдза. Но в основу работы были положены так называемые «Инструкции Дашкова» — материал, составленный видным русским юристом Д. В. Дашковым. Он учитывал множество различных проектов и предложений как местных жителей, так и русских специалистов. Новый толчок получил в своей работе этот комитет после окончания войны и заключения Адрианопольского мира 1829 г., предусматривавшего создание в княжествах учреждений, которые будут осуществлять их управление⁷⁴.

Технология выработки и легитимизации новых законов, которые должны быть положены в основу управления княжествами, во многом походила на то, что было некогда на Ионических островах. Комитет завершил свою работу и послал ее результаты в Петербург, куда также выехала делегация от Валахии и Молдавии. Этот проект был рассмотрен в российской столице и затем вернулся в княжества. Как и на Ионических островах, здесь встал вопрос о создании специального представительного собрания для принятия этих законов. Экстраординарные ревизионные собрания были созданы как в Валахии, так и в Молдавии; состояли они из представителей от областей княжеств, причем председателем собраний в обоих княжествах был русский генерал П. Д. Киселев — полномочный руководитель местных органов власти во время нахождения в Дунайских княжествах русских войск. Иначе говоря, преобразования в этих странах осуществлялись под руководством русской администрации и в условиях присутствия русских войск, как это было и на Ионических островах.

Результатом работы Экстраординарных собраний в княжествах и стали так называемые Органические регламенты — собственно первые конституции Молдавии и Валахии, принятые собраниями в 1831—1832 гг. Слово «конституция» предпочитали не упоминать⁷⁵. Уже была другая эпоха, и новый русский император, Николай I, во многом изменил политике своего старшего брата. Если Александр I не раз призывал к учету «духа времени», то в 30-х гг. была уже и другая мода, и другая

политика. Поэт М. А. Дмитриев в одном из наиболее крупных журналов России — «Телескопе» — прямо выступал против следования «духу времени», и это вполне соответствовало установкам российского руководства тех лет. В 1828 г. упраздняется «Устав образования Бессарабской области»; хотя Бессарабия еще пользуется некоторой автономией, но была она уже существенно урезана, а после польского восстания ликвидируется польская конституция. Эта конституция заменяется Органическим статутом Королевства Польского 1832 г. Но если польский Органический статут был заметным шагом назад по сравнению с действовавшей до этого конституцией, то Органический регламент для Дунайских княжеств означал несомненный прогресс во многих областях внутренней жизни этих стран.

Органические регламенты провозгласили принцип разделения властей и определили сферу деятельности административных, судебных, военных органов власти. Главой исполнительной власти являлся господарь, который объявлялся также верховным главнокомандующим и делил законодательную власть с Обычным собранием, а также мог влиять на деятельность судебных органов. Так называемое Обычное собрание представляло собой некоторое подобие однопалатного парламента, т. е. по регламенту княжества получали начатки парламентаризма. Право же выбора господаря имело Общее экстраординарное собрание, так что наследственной власти господари не имели и в значительной степени походили на президентов. В состав Обычного собрания входили только крупные бояре и высшее духовенство. В Валахии оно насчитывало только 43 человека. Экстраординарное собрание для выборов господаря, предусматривавшее общий состав из 190 депутатов, предусматривало более широкий состав и давало места представителям городов, т. е. торговой прослойке, ремесленникам и т. д.⁷⁶

Органические регламенты (а их нужно рассматривать в совокупности с общим комплексом реформ, которые проводились в княжествах в тот период, когда там находились русские войска, т. е. в 1828—1834 гг.) были апогеем конституционной дипломатии эпохи Николая I. После этого конституционалистская политика России за пределами своей страны заметно ослабевает. Но нельзя говорить о ее полном прекращении. Следует иметь в виду роль России в становлении независимой Греции и устройстве ее политических институтов. Если роль России в принятии Эпидаврского статута 1822 г. почти не прослеживается, а это была первая конституция Греции, то новая конституция, принятая в мае 1827 г., в которой исследователи усматривают влияние американской конституции 1787 г. и английских политических институтов⁷⁷, была принята в период активизации политики России на Балканах и заметном усилении требований России по отношению к Греции. Именно в 1827 г. первым президентом Греции избирается И. Каподистрия, многие годы находившийся на русской дипломатической службе и известный как один из главных проводников конституционной дипломатии. С приездом Каподистрии в Грецию там заметно усилилось русское влияние, в том числе и на политическое устройство страны. Каподистрия в 1827 г. побывал в Петербурге и имел несколько встреч с Николаем I (его пребывание в России получило официальное оформление в соответствующих документах)⁷⁸.

Правда, прибыв в Грецию в январе 1828 г., Каподистрия приостанавливает действие Конституции 1827 г. и идет по пути усиления личной власти, что подсказывалось условиями тогдашней войны с Турцией⁷⁹, но Россия и в то время не отказывалась от участия в конституционном строительстве в Греции, тем более, что именно русско-турецкая война 1828—1829 гг. стала решающей в приобретении Грецией независимости. Еще нуждается в исследовании выявление позиции России по отношению к греческим конституциям 1844—1864 гг. Лучше известна российская конституционная политика по отношению к Сербии.

Благодаря Адрианопольскому миру 1829 г. Сербия приобрела довольно широкую автономию, а Россия в соответствии со статьей VI получала право покровительства Сербии. Известно отношение России к Сретенскому уставу 1835 г. — отношение не совсем благоприятное, а также конкретное участие русских дипломатических представителей, в частности, генерального консула в Молдавии и Валахии П. И. Рикмана, в конституционном строительстве в Сербии 30-х гг.⁸⁰ Это участие было довольно активным, и неоднократно внутренним устройством Сербии занимались различные государственные деятели России. Известно также, что в 1838 г. российское посольство в Стамбуле настаивало на том, чтобы турецкое руководство в самые ближайшие сроки решило вопрос о сербском регламенте. Такой регламент под названием устава Сербии был подписан турецким султаном Махмудом II в декабре 1838 г.⁸¹ В создании этой сербской конституции Россия приняла довольно заметное участие, тем более что нужно учитывать весь комплекс работ, произведенных русскими специалистами после Первого сербского восстания.

В распоряжении исследователей имеются и другие материалы о позиции русских властей по отношению к конституционному строительству на Балканах, в том числе и в Турции, например, по отношению к турецкой конституции 1876 г.⁸² Существуют материалы об отношении России к устрой-

Крита после восстания 1866—1868 гг.⁸³ и принятия Органического статута острова 1868 г. Значительную роль сыграла Россия в создании и становлении государственных учреждений Черногории⁸⁴. Но, конечно, вершиной конституционной дипломатии XIX столетия стало участие русских представителей в конституционном устройстве Болгарии.

В литературе хорошо показаны различные аспекты участия России в воссоздании болгарской государственности и в государственном строительстве в Княжестве болгарском и в меньшей степени в Восточном Румелии⁸⁵. Однако почти не прослежена конкретная преемственность в проводимой работе, которая была все-таки органически связана с тем опытом, который обрело русское правительство в предшествующее время. В седьмой статье Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора от 3 марта 1878 г. записано следующее: «Собрание именитых людей Болгарии, созванное в Филиппополе (Пловдиве) или в Тырнове, выработает до избрания князя под наблюдением российского императорского комиссара устав будущего управления по примеру того, как было сделано в 1830 г. после Адрианопольского мира в Придунайских княжествах»⁸⁶. Этому положению до его обсуждения и включения в международный договор предшествовала довольно значительная и многотрудная работа русских специалистов, которые неоднократно обсуждали проблемы будущего устройства Болгарии. В их числе был ряд российских государственных деятелей. Так, князь В. А. Черкасский, который возглавил русское гражданское управление в Болгарии, и военный министр России Д. А. Милютин. По-видимому, Милютин, племянник П. Д. Киселева, руководившего реформами в Дунайских княжествах, был первым, кто предложил использовать в болгарских преобразованиях опыт Дунайских княжеств. Он же сыграл заметную роль в назначении В. А. Черкаского главой гражданской администрации в Болгарии⁸⁷.

После предварительных контактов с Милютиным Черкасский составляет обширную записку, где были намечены основные направления деятельности русского управления в Болгарии. Записка была завершена 31 октября 1876 г.⁸⁸, а 16 ноября император Александр II утверждает инструкцию русской гражданской администрации, в которую почти без изменения вошли предложения Черкаского⁸⁹. Примечательно, что между инструкциями 1876 г. и предписаниями кануна русско-турецкой войны 1828—1829 гг., данными первому русскому полномочному руководителю местной администрации в Дунайских княжествах Ф. П. Палену, было много общего. Накануне приезда в Болгарию, находясь в румынском городе Плоешти, В. А. Черкасский в одной из своих записок Милютину подчеркивал, имея в виду будущее устройство Болгарии: «Болгарское княжество должно считаться совершенно отдельным от России, но должно первоначально состоять под ее протекторатом. Самостоятельная его жизнь должна быть подготовлена таким же статутом, какой был создан в 1829—1830 г. графом Киселевым для румынских княжеств»⁹⁰.

На различных этапах деятельности российской администрации в Болгарии опыт Киселевских реформ использовался различным образом. Он применялся и для построения гражданской русской администрации и для руководства ее деятельностью. Как авторитетный пример он использовался и в международном плане⁹¹, тем более что П. Д. Киселев впоследствии был хорошо известен как дипломат. Примечательно также, что процесс разработки Органического устава Болгарии почти полностью повторял принципы, разработанные при подготовке и принятии Органических регламентов, во многом, в свою очередь, примененных еще на Ионических островах. Так же, как и прежде, проект Основного закона был первоначально составлен на месте, затем отослан в Россию, где он был рассмотрен русскими сановниками. В Петербурге была создана специальная комиссия под председательством кн. С. Н. Урусова, которая подробно изучила представленный проект и внесла некоторое количество поправок. Точно так же, как некогда комиссия под председательством Д. В. Дашкова, тоже работавшая в Петербурге в 1830 г., эта комиссия вносила поправки в проект будущего Органического регламента⁹².

Важное сходство заключалось и в том, что вначале приняли конституцию, а затем рассматривали вопрос об избрании князя. Тырновская конституция в Болгарии, принятая 16 апреля 1879 г. Учредительным собранием, имевшая в качестве одного из первоначальных проектов Органический устав, разработанный комиссией во главе с русским специалистом С. И. Лукьяновым, существенно отличалась от прежних конституций, в составлении которых принимала участие Россия. Если раньше конституционные уставы, поддержанные Россией в различных странах, все-таки были уставами во многом феодального характера, то Тырновская конституция при всем том, что она предусматривала для Болгарии наследственную конституционную монархию, была одной из самых передовых конституций того времени, поскольку в ней провозглашалось всеобщее избирательное право для мужчин с 21-летнего возраста, вводились прямые выборы, провозглашались равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности, право собственности, народное собрание объявлялось законодательным органом и т. д.⁹³

В целом рассмотрение основных результатов конституционной дипломатии России позволяет сделать вполне определенные выводы об этой политике как вполне целенаправленной и довольно стабильной. Эти результаты еще не изучены в полной мере и могут быть дополнены новыми материалами. Но и при современном состоянии историографии можно сделать вывод о том, что ни одна держава не участвовала в новое время в непосредственном конституционном строительстве за пределами своей страны в такой степени, как Россия. При этом следует учитывать, что конституционная дипломатия была составной, но отнюдь не главной частью общего комплекса внешней политики страны, выполняя в целом подсобную роль в решении главных внешнеполитических задач Российской империи, сохранившей абсолютную монархию вплоть до начала XX столетия.

Примечания

- ¹ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 33, 126, 135.
- ² Там же. С. 113—115.
- ³ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в.: Из истории политики России на Ионических островах (1798—1807)//История СССР. 1960. № 1; ее же. Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья (1798—1807). М., 1962; Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX века). М., 1966.
- ⁴ Гросул В. Я. О конституционалистской политике России на Балканах//Вопросы истории. 1969. №8.
- ⁵ Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972; Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986.
- ⁶ См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981; Внешняя политика России. Историография. Сб. ст. М., 1968.
- ⁷ История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 32.
- ⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. //Ключевский В. А. Соч. в 9 т. М., 1989. Т. V. С. 5.
- ⁹ См.: Мартене Ф. Ф. Дипломатические акты из архива кн. Н. В. Репнина, относящиеся до Тешенского конгресса 1779 года//Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 65. СПб., 1888.
- ¹⁰ Там же. С. 120, 485—486; Краткая история СССР. Ч. 1. Л., 1972. С. 206.
- ¹¹ См.: Дитятин И. И. Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового уложения». Ростов н/Д, 1905.
- ¹² Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912. С. 136.
- ¹³ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. М., 1976. С. 55.
- ¹⁴ Ее же. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции 1798—1800 гг. М., 1983. С. 94.
- ¹⁵ Ее же. Россия и Греция... С. 58.
- ¹⁶ Формирование национальных независимых государств на Балканах. С. 34—35.
- ¹⁷ Станиславская А. М. Россия и Греция... С. 63—64.
- ¹⁸ Там же. С. 65.
- ¹⁹ Ее же. Россия и Конституция 1803 г. Республика Семи Соединенных Островов//Международные отношения на Балканах: Балканские исследования. М., 1974. С. 44.
- ²⁰ Ее же. Россия и Греция... С. 126—129.
- ²¹ Берти Д. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 340.
- ²² Станиславская А. М. Россия и Конституция 1803 г.... С. 48.
- ²³ Там же. С. 48—49.
- ²⁴ Там же. С. 49.
- ²⁵ Станиславская А. М. Россия и Греция... С. 188.
- ²⁶ Внешняя политика XIX и начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801 — 1815 гг. Т. 1. М., 1960. С. 706—727.
- ²⁷ Станиславская А. М. Россия и Конституция 1803 г.... С. 52—53.
- ²⁸ Там же. С. 56.
- ²⁹ Там же. С. 58.
- ³⁰ Арш Г. Л. Каподистрия и греческое национальное движение. 1809—1822 гг. М., 1976. С. 14—15.
- ³¹ Формирование национальных независимых государств на Балканах... С. 95.
- ³² Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв. М., 1990. С. 143.
- ³³ Там же. С. 149.
- ³⁴ Там же. С. 176.
- ³⁵ Первое Сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. I: 1804—1807 гг. М., 1980. С. 386—387.
- ³⁶ Формирование национальных независимых государств на Балканах... С. 105.
- ³⁷ Достян И. С. Указ. соч. С. 70.
- ³⁸ Формирование национальных независимых государств на Балканах. С. 109—111.
- ³⁹ Достян И. С. Указ. соч. С. 73.
- ⁴⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VIII. М., 1972. С. 145—146.
- ⁴¹ Там же. С. 636.
- ⁴² Там же. С. 161—162; 165.

- ⁴³ Там же. С. 162, 165.
- ⁴⁴ Там же. С. 637.
- ⁴⁵ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. III. СПб., 1876. С. 359—378.
- ⁴⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VIII. С. 638—639.
- ⁴⁷ Там же. С. 644.
- ⁴⁸ Там же. С. 112—113.
- ⁴⁹ Там же. С. 183, 184.
- ⁵⁰ Там же. С. 189.
- ⁵¹ Там же. С. 384.
- ⁵² Там же. С. 184.
- ⁵³ Там же. С. 391. Подробнее о германском конституционализме того времени см.: Кизяковский В. В. Становление конституционализма в Германии (1815—1849). М., 1981.
- ⁵⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. VIII. С. 81—87.
- ⁵⁵ Там же. С. 112.
- ⁵⁶ Nouvelle histoire de la Suisse et des Suisses. Т. II. Lausanne, 1983. P. 175, 233—237.
- ⁵⁷ Медушевский А. Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 32.
- ⁵⁸ Сироткин В. Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 года и отставка И. Каподистрия в 1822 г. // Проблемы международных отношений и освободительных движений. М., 1975. С. 10.
- ⁵⁹ Внешняя политика России XIX — начала XX века. Т. VIII. С. 54.
- ⁶⁰ Boldur A. Autonomia Basarabiei sub stăpânirea rusească în 1812—1828. Studii. Chisinau, 1929; Гросул Я. С. Автономия Бессарабии в составе России (1812—1828 гг.) // Гросул Я. С. Труды по истории Молдавии. Кишинев, 1982.
- ⁶¹ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. М., 1989. С. 157.
- ⁶² Ключевский В. О. Указ соч. С. 194.
- ⁶³ Мироненко С. В. Указ. соч. С. 196.
- ⁶⁴ Подробнее о конституционных планах Александра I см.: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; Мироненко С. В. Указ, соч.; Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.
- ⁶⁵ См.: Фомин А. И. О понижении цен на сельскохозяйственные произведения в России. СПб., 1829.
- ⁶⁶ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 42.
- ⁶⁷ Сироткин Б. Г. Указ. соч. С. 39—47.
- ⁶⁸ Внешняя политика России XIX — начала XX века. Т. VIII. С. 112.
- ⁶⁹ Там же. С. 50, 117—118.
- ⁷⁰ Достян И. С. Указ. соч. С. 172.
- ⁷¹ Там же. С. 174—175.
- ⁷² Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 69.
- ⁷³ Filitti I. Framantaprire politice si Sociale in Principatele romane de la 1821 pana la 1828. Buc., 1932. P. 140—146.
- ⁷⁴ Юзефович Т. Указ. соч. С. 84.
- ⁷⁵ Слово «конституция» упоминается в некоторых подготовительных документах, например, в первом проекте, принадлежащем перу А. С. Стурдзы и относящемуся к сентябрю 1828 г. Во втором его проекте этот термин уже не применяется. См.: ИРЛИ, ф. А. С. Стурдзы (ф. 288), оп. 2, д. 216.
- ⁷⁶ См.: Regulamentele organice ale Valahiei si Moldovei. Buc., 1944.
- ⁷⁷ Формирование национальных независимых государств на Балканах... С. 46.
- ⁷⁸ Достян И. С. Указ. соч. С. 253.
- ⁷⁹ Формирование национальных независимых государств на Балканах... С. 48.
- ⁸⁰ Там же. С. 126.
- ⁸¹ Там же. С. 131.
- ⁸² Петросян Ю. А. Младотурецкое движение. М., 1971, С. 79—102; Фадеева И. Л. Социальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. М., 1985. С. 123—130.
- ⁸³ Сенкевич И. Г. Русская дипломатия в первые месяцы Критского восстания 1866—1868 гг. // Балканский исторический сборник. I. Кишинев, 1968. С. 76—94.
- ⁸⁴ Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX века. М., 1979. С. 58—67, 85—91.
- ⁸⁵ См.: Козьменко И. В. Русская дипломатия и формирование на болгарската державност след Освобождениет. София, 1982; Петербургский проект Тырновской конституции 1879 г. / Публикация И. В. Козьменко // Исторический архив 1949. № 4. С. 184—324.
- ⁸⁶ Международные отношения и внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1967. С. 7.
- ⁸⁷ Переписку Д. Милютина и В. Черкасского см.: ОР РГБ, ф. 327, раздел II, папка 10, д. 50.
- ⁸⁸ Овсяный Н. Р. Русское управление в Болгарии в 1877—1879 гг. Т. I. СПб., 1906. С. 152—158.
- Прил.
- ⁸⁹ Там же. С. 161 — 163.
- ⁹⁰ Подробнее см.: Коротких М. Г. Разработка и принятие Тырновской конституции Болгарии 1879 года. Воронеж, 1978.
- ⁹¹ АВПРИ, ф. Главный архив. Политотдел, д. 2 (1878), л. 273.

⁹² Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия... С. 244.

⁹³ Коротких М. Г. Россия и конституционное строительство в Болгарии (1878—1879). Воронеж, 1982. С. 108—120. О роли России в конституционном устройстве Восточной Румелии см.: Манолова М. Г. Русия и конституционното устройство на Източна Румелия. София, 1976.

© 1996 г. А. П. КОРЕЛИН *

КООПЕРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РОССИИ И ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ

Кооперативное движение, возникнув во второй четверти XIX в., вскоре становится одним из мощных факторов реформирования социально-экономических структур почти всех стран, вступивших на путь капиталистического развития. Постепенно охватив огромные массы населения, кооперация не только способствовала втягиванию их в свободные рыночные, товарно-денежные отношения, но и явилась средством экономической модернизации и социального структурирования гражданского общества.

Анализ исторического опыта возникновения и деятельности кооперативных ассоциаций показывает, что в своем развитии это явление обычно проходит три основные стадии. Зарождение кооперативного движения связано с выработкой и распространением кооперативной идеи, которая, как правило, привносится в массы извне. Творцы и пропагандисты этой идеи (Р. Оуэн, Ш. Фурье, С. Сисмонди, У. Кинг, Ф. Бюше, Л. Блан, Ф. Лассаль, Н. Г. Чернышевский, Э. Пфейфер, Г. Шульц, Ф. Райфайзен и др.) руководствовались самыми различными целями — социалистическими планами переустройства общества, филантропическими побуждениями помощи малообеспеченным слоям населения, рационалистической философией либерализма, стремлением к социальному миру в утверждавшемся буржуазном обществе и т. п. На втором этапе, когда кооперативная идея начинает давать свои первые плоды в виде нарастающего кооперативного движения, в этот процесс вмешивается государство, стремясь правовыми нормами и административным воздействием канализировать его, поставить под свой надзор и контроль. Именно в это время появляются кооперативное законодательство, различные нормативные акты, регулирующие и регламентирующие деятельность ассоциаций и их организацию. Третий этап характеризуется массовым кооперативным движением, в полной мере приобретающим свои естественные, органические черты — самостоятельность, самодеятельность, независимость — и оказывающим все большее влияние на правительственную политику и законодательство.

В Россию кооперативные идеи в западноевропейских вариантах проникают в 40-х гг. XIX в., находя отклик в интеллигентных слоях общества. Одновременно в правительственных кругах возникают проекты организации кредитной поддержки отдельных разрядов крестьянства на началах общинной самопомощи — мирские капиталы, вспомогательные и сберегательные кассы государственных крестьян, сельские банки удельных крестьян и т. п. После 1861 г. эти сословно-общественные учреждения насаждались и в бывшей помещичьей деревне. Однако учреждения этого типа оказались малоэффективными, хотя и просуществовали до 1917 г. Возраставшие сложности и трудности с переходом экономики страны на рыночные отношения, ударившие прежде всего по малообеспеченным слоям населения, особенно сельского, послужили импульсом для поиска путей и средств выхода из сложившейся ситуации. В этих условиях кооперативные идеи Запада и конкретный опыт их реализации все более привлекали внимание общественных деятелей России.

Уже в начале 60-х гг. XIX в. предпринимаются отдельные попытки организации всесословных потребительских обществ, производительных, сырьевых, складских ассоциаций (артелей), кредитных товариществ (Рига, Дерпт, Ревель, Петербург, Харьков и др.). Среди них было немало ассоциаций, основанных жившими в России немцами. В какой-то мере на первых порах это было данью моде, под влиянием которой оказались и состоятельные слои общества. Но одновременно возникло и крепло

* Корелин Авенир Павлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.